

людей, нет и не будет.

Ты все твердишь, что ежели женщина себя блюдет, то никогда мужчина не сможет взять ее силою. А я тебе говорю, что во всей Франции не найдется такой честной женщины, которая, оказавшись под мужчиною, не сдалась бы ему; но никогда благородная женщина не станет сама навязываться мужчине. Что до твоей жены, то ты сам водишь к ней покупателей на ее товар и взимаешь с них за то деньги и драгоценности, как я уже сказал. Стало быть, ты торгуешь ею, но при том требуешь, чтобы она блюла себя. Ты подстерег и застал меня с нею, а не худо бы тебе последить за другими.

Хочу, Жеан Гиу, сказать тебе еще одно слово: ты ведь отлично знаешь, что каноника, о коем уже шла речь, ты несколько раз залучал к себе на угощение, с такими словами: «Монсеньор, пожалуйте к нам в два часа: мы с вами превкусно отобедаем». И что же: стыдно сказать, но сам ты являлся в дом не раньше четырех часов, – кем же еще после этого назвать тебя, если не самым настоящим сводником, коему не дорога честь своей жены? Я сам был при том, как заявился к тебе в дом этот каноник, и сам составил ему компанию, ибо не хотелось мне оставлять твою жену наедине с ним. Всех я повидал – и его, и других монахов, коих зазывал ты к себе в дом пировать: ты же при этом норовил скрыться с глаз долой. А ежели, вернувшись домой, еще заставлял их у себя, то опять прятался, – да неужто так поступает порядочный человек, желающий охранить свою жену? Тошно мне смотреть на эдакое непотребство, только вот не знаю, как горю помочь. Тебе досталась жена добрая да податливая, которая никогда не откажет дворянину ни в поцелуе, ни в чем другом. Но знай, Жеан Гиу, что тому один ты причиною, и коли бы не жена, в пору тебе просить милостыню, ибо ты ни о чем не заботишься, будучи уверен в том, что она с лихвой заработает на вас обоих. Да ты же еще, за моею спиной, бьешь и поносишь ее; так знай же, что мне это не по нраву, и помни о моем предостережении.

После того как Гийом высказал часть правды Жеану Гиу, названный Жеан, ясное дело, не обрадовался, но, напротив, злобно глянул на него исподлобья, по своей привычке морща нос, вращая глазами, скрежеща зубами, а потом, бледный как мертвец, покинул Гийома и отправился к себе беситься в одиночестве да перебирать обидные слова, какие тот сказал ему, тем самым уязвив до глубины души, и не без причины. И вот после всего вышесказанного вы можете понять и заключить, что иногда мужчина способен толкнуть женщину на такое, о чем она вовек не помыслила бы. А засим прошу всех вас запомнить главное: коли вы склонили свою даму к любви, не будьте столь же беспечны, как Гийом и Колетта, что оставили дверь отпертою, но крепко закройте ее на щеколду, чтобы не ходил да не бродил тут всяк, кому вздумается.

Часовня под монфоконом

Новелла LXXVI:⁷⁵ об адвокате, сержанте, портном и мельнике, которые покаялись в Сантьяго-де-Компостелла, после чего собрались во искупление грехов строить часовню под виселицей.

Рассказано Лораном Жиру.⁷⁶

Дабы продолжать наши новеллы, расскажем вам, как в Сантьяго-де-Компостелла⁷⁷ сошлось однажды множество богомольцев, а среди них было четверо из Парижа, и держались они особняком. Так вот, один из них был не то адвокат, не то прокурор, второй – сержант, третий – мельник, а четвертый – портной. И так как сошлись вместе их дорожки, то и завязались у них разговоры о том о сем, да почему и за какие грешки очутились они в Сантьяго. Вот, между прочим, и говорит

⁷⁵ Монфоко́н. – Это место, где в XIII в. находилась виселица, было расположено вне парижских стен, на северо-восточной окраине города.

⁷⁶ Лоран Жиру – видимо, современник Никола де Труа; его имя (или имя однофамильца?) встречается в архивных документах Турени XVI в.

⁷⁷ Сантьяго-де-Компостелла – город в Галисии (на северо-западе Испании), где в XII в. был воздвигнут существующий и ныне собор, к которому стекались паломники со всей Европы, так как здесь хранились реликвии святого Иакова, самого почитаемого в Испании христианского святого.